

*Свидетельства воинов
о помощи Божьей
на войне*

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...

От Кабула до Цхинвала

Сергей Геннадьевич Галицкий

Из смерти в жизнь...

От Кабула до Цхинвала

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32543216
Из смерти в жизнь. От Кабула до Цхинвала: 2017
ISBN 978-5-4380-0175-1, 978-5-4380-0179-9

Аннотация

В 4-й части книги «Они защищали Отечество. От Кабула до Цхинвала» даётся ответ на главный вопрос любой войны: как солдату в самых тяжёлых ситуациях выжить, остаться человеком и победить врага. Ответ на этот вопрос знают только те, кто сам по-настоящему воевал. В книге – рассказы от первого лица заслуженных советских и российских офицеров: Героя России Андрея Шевелёва, Героя России Алексея Махотина, Героя России Юрия Ставицкого, кавалера 3-х орденов Мужества Игоря Срибного и других.

Содержание

Предисловие	5
Война в Афганистане	9
Комбат Еремеев	10
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Галицкий Сергей
Геннадьевич
Из смерти в жизнь. От
Кабула до Цхинвала**

© С.Г. Галицкий, 2017

Предисловие

Эта книга – особенная. В ней поднимаются вопросы, которые редко кто обсуждает публично. На то есть, конечно, веская причина. Уж очень эти вопросы неудобные, а часто – просто страшные. Их кратко можно свести к одной фразе: как сделать правильный выбор в ситуации, когда выбора практически нет?..

Выйти на эту главную тему получилось почти случайно. Во время работы над предыдущей своей книгой «Из смерти в жизнь...» я очень долго беседовал с солдатами и офицерами о том, как они с Божьей помощью выжили в безнадёжной ситуации в бою. Захватывающие военные истории, благополучные финалы, спасение от верной смерти...

И вдруг в какой-то момент эти суровые люди начинали с болью говорить о том, о чём в принципе говорить не принято. Так обозначился круг неразрешимых вопросов, которые люди сами себе задают на войне. Вот только некоторые из них:

Как справиться с постоянным ожиданием смерти, которое неотступно преследует даже на отдыхе?

Как преодолеть липкий удушающий страх, который в бою тебя порой абсолютно парализует и не даёт даже просто пошевелиться?

Как преодолеть психологический барьер и в первый раз

убить человека в контактном бою лицом к лицу?

Как удержаться от подкрадывающегося ощущения вседозволенности, от пьянящего чувства, что в твоих руках находятся жизни других людей?

Как самому не стать зверем, видя зверства врага и гибель своих товарищей?!

Постепенно стало понятно, что почти все офицеры не раз оказывались в абсолютно неразрешимых ситуациях, когда им надо было делать выбор в условиях, когда хороших решений нет в принципе – решения есть только плохие и очень плохие...

Сколько раз и в Афганистане, и в Чечне повторялась одна и та же ситуация: разведгруппа захватила пленного, получила необходимую информацию. А что с пленным делать дальше? В Великую Отечественную войну этот вопрос был решён однозначно: для разведчиков нет пленных, а есть только языки, которые живут ровно столько, сколько говорят. Сегодня официальное решение ликвидировать пленного после допроса офицер не может принять даже в условиях жёсткой необходимости – юридические последствия для него неотвратимы. Поэтому есть такой вариант: пленного отпустить и... почти гарантировано обнаружение местоположения группы со всеми вытекающими последствиями. Теоретически можно ещё таскать пленного за собой и тем самым сковать действия нашей группы потенциально опасным человеком, которого надо охранять, чтобы он не сбежал. Что

делать, как поступить?..

Многие разведчики мне рассказывали о ситуациях, когда в Афганистане или Чечне на группу внезапно выходил ребёнок. (Здесь надо учитывать, что ребёнок при этом почти всегда является разведчиком противника. Группа уже им обнаружена или вот-вот будет обнаружена, время для принятия решения – секунды...)

И есть ещё одна проблема, которая не то чтобы сознательно замалчивается, но говорить о ней не любит никто. Известно, что во времена не только Первой, но и Второй чеченской кампании иногда от командования поступали явно безумные приказы. Тот, кто реально воевал на Северном Кавказе, такие приказы получал, к сожалению, регулярно. Что делать командиру? Выполнить приказ и выполнить боевую задачу означает, что из-за нелепого распоряжения погибнут твои боевые товарищи. Не выполнить приказ – сорвать выполнение боевой задачи и получить принародное обвинение в трусости. Расстрелять, как в начале Великой Отечественной, конечно, не расстреляют. Но неизбежный позор и клеймо труса гарантированы. Как быть?..

В книге о таких ситуациях и ответах на сложнейшие вопросы, которые ставит перед совестью человека война, рассказывают офицеры, которым приходилось самим принимать очень трудные и часто совершенно неочевидные решения. Это Герои России Андрей Шевелёв, Алексей Махотин, Юрий Ставицкий, кавалер трёх орденов Мужества и ордена

Красной Звезды Игорь Срибный и многие другие.

Всем нам, и особенно молодым людям, очень важно услышать рассказы этих офицеров о своих военных судьбах. И обязательно усвоить их уроки, которые в буквальном смысле написаны кровью.

Война в Афганистане

Войну в Афганистане советская страна вроде бы не проиграла, но и не выиграла. Одно бесспорно – наши солдаты и офицеры вошли в Афганистан, доблестно сражались и вышли, выполняя приказ. И поэтому многие из них считают, что в своей войне в Афганистане они победили.

Комбат Еремеев

Рассказывает полковник Владислав Васильевич Еремеев:

– Вспоминая войну в Афганистане, я понимаю, что офицеры, которые были наиболее преданы государству, рассматривали эти события не только с точки зрения международного долга, но и в плане получения боевого опыта. Многие офицеры сами стремились попасть на войну, и я был одним из таких добровольцев. После окончания Академии с отличием мне предлагали большие и высокие должности в Москве. А я от всего этого отказался и сказал: «Хочу быть командиром». Меня и назначили командиром отряда в одну из бригад армейского спецназа.

В Афганистане я командовал 6-м омсб СН (отдельный мотострелковый батальон специального назначения. – Ред.), он же 370-й отдельный отряд спецназа, дислоцированный в городе Лашкаргахе. Ввёл его в Афганистан в 1985 году Иван Михайлович Крот. Я как раз тогда заканчивал Академию. Незадолго до этого приезжает он из Чучково (место дислокации одной из бригад армейского спецназа. – Ред.) и говорит: «Я ввожу отряд в Афганистан, в Лашкаргах. Изучай, Влад, переброску частей и соединений на большие расстояния». Я его послушал, и огромный конспект для себя написал на эту тему. И точно – в мае 1987 года был назначен командиром именно в этот отряд, и эти материалы мнегодились при

выводе этого отряда из Афганистана в Союз.

Сразу после прибытия в бригаду я попросил комбрига – полковника Александра Завьялова – направить меня в Афганистан. Сначала вопрос никак не решался – дескать, ты нам и здесь нужен. Но потом приходит телеграмма, и начинаются собеседования: сначала – с начальником разведки, потом – с начальником штаба округа, с командующим округом. Всех их я внимательно слушал, а они мне все говорили одно и то же: «Смотри там! Если что, мы тебя снимем!» Я сижу, головой киваю, уши прижимаю: «Да, да, да, обязательно, конечно». И нас троих – однокашников по Академии из разных округов – направили на собеседование уже в Генеральный штаб. Там нам дали подготовку уже конкретно по Афганистану.

Когда я в Афганистан собрался, уже был женат, и в семье были маленькие сын и дочь – пяти и восьми лет. Жена на новость о моей отправке отреагировала очень плохо. Переживала, плакала, уговаривала не ехать. Говорила: «Не надо этого делать. Дурак ты, почему о нас не думаешь? Ты прославиться хочешь, своих личных целей добиться, хочешь удовлетворить свои командирские амбиции». По большому счёту, так оно и было. А все полтора года я так и провоевал без отпуска.

Если говорить прямо, то в Афганистане в основном воевал именно армейский спецназ, который и был главной «рабочей лошадкой». Все остальные обозначали мощь нашей

армии – охраняли дороги, сопровождали грузы и иногда проводили крупные операции. Готовится колонна к отправке – это уже событие! Танки, пушки, самолёты, каски, бронежилеты!.. Масштабные операции проводились относительно редко, и, безусловно, впереди всех шли группы армейского спецназа.

Главной задачей самого спецназа в Афганистане была борьба с караванами с оружием, боеприпасами, наркотиками, а также уничтожение бандгрупп, проникающих с территории Пакистана. Задача эта была очень трудная – ведь как таковой оборудованной границы у Афганистана с Пакистаном не было.

Территориально зона ответственности у моего отряда была огромная: правый фланг – в междуречье озёр Хамун, провинция Фарах, а левый фланг – город Кандагар. В эту зону входили провинции Гильменд, Нимруз и часть провинции Кандагар, песчаная пустыня Регистан, каменистая пустыня Дашти-Марго и горы.

Когда я только принял отряд, в роте капитана Сергея Бреславского подорвались две бээмпэ (БМП, боевая машина пехоты. – Ред.). Я принял решение об эвакуации группы и приказал Саше Семинашу идти через второй канал у Марджи. А он мне доказывает, что надо идти через Систанай, что, на мой взгляд, не менее опасно! По молодости я ведь упёртый был, настоял-таки на своём. Так группа в засаду попала!.. Я им сразу на помощь помчался. Хотя расстояние было ки-

лометров сорок, на помощь им мы примчались быстро. На подходе к месту боя нас обстреляли, мой бэтээр (БТР, бронетранспортёр. – Ред.) подорвался на mine.

Тут стало понятно, что без поддержки авиации нам не обойтись. Вызвали вертушки, огонь артиллерии. Вертушки на предельно малой высоте отстреляли «асошки» (АСО, тепловые ловушки для защиты от ракет с тепловой головкой наведения. – Ред.) и зажгли камыши, чтобы выдавить «духов» на открытое пространство. Не всем бандитам удалось уйти. В бою уничтожили безоткатное орудие, из которого «духи» стреляли по нашей броне. На этот раз всё закончилось благополучно, не считая нескольких легко раненных и контуженных бойцов и офицеров.

Самое неприятное для меня как для командира было то, что прошла-то всего неделя, как я принял отряд. Получилось «шашкомахательство» какое-то... В то же время пустить их по другому маршруту через Систанай было равносильно самоубийству. Вражеский кишлак Систанай прижимает дорогу к такому же кишлаку Марджи. И если бы наши втянулись между кишлаками, их бы там всех грохнули.

В пустыне стояла страшная жара. Броня и стволы горячим металлом обжигали руки. Как только после боя подошли к другому каналу с водой, бойцы словно рассудок потеряли, бросились в канал – и давай пить!.. Я кричу командирам: «Хоть охранение выставьте!» Какое там!.. Стреляю в воздух, снова кричу – ноль внимания! В такую страшную жару люди

нередко полностью теряют контроль над собой и ничего не боятся, ничто не может их остановить – такое неудержимое желание напиться воды. Так я и охранял их, пока все не напились, не стали хоть чуточку соображать и не вспомнили, наконец, что жизнь их в опасности.

Через зону ответственности отряда проходили двадцать восемь караванных маршрутов, по которым шли поставки оружия, боеприпасов, перевозились наркотики. На моём участке караваны прорывались в центральные районы Афганистана со стороны Пакистана через перевал Шебиян по пустыням Регистан и Дашти-Марго. Бандгруппы передвигались в составе караванов с оружием, боеприпасами и наркотиками в основном ночью. Нередко бандгруппы вклинивались в состав мирных караванов с товаром.

Кроме борьбы с боевыми караванами и бандгруппами мы проводили и другие операции. Если становилось известно, что в том или ином кишлаке выявлен центр сопротивления местной власти, т. н. Исламский комитет, или, проще говоря, «духи», то мы производили налёт, ликвидировали такой центр и восстанавливали правительственную власть. Часто захватывали склады с оружием, печати, документы исламистских организаций ИПА, ДИРА, НИФА, знамёна, партийные кассы и всё такое прочее.

Если говорить о караванах, то они были или выючные, или автомобильные. Выючный караван обычно состоял из десяти-двадцати верблюдов. В типичном боевом караване

третью часть груза составляли промышленные, продовольственные товары, ещё примерно треть – оружие и боеприпасы, а остальное – наркотики. Конечно, «духи» всеми способами маскировали оружие и боеприпасы под мирные грузы.

Обычно впереди боевого каравана пускали мирный караван из шести-восьми верблюдов. А через два-три часа уже шёл основной, боевой караван. Охраняла караван, как правило, банда из пятнадцати-двадцати человек. Кроме них были погонщики верблюдов, с каждым из которых были ещё два-три человека.

Непосредственно перед караваном шла группа из пяти-шести человек – головной дозор. В ядре каравана, где находился груз, обычно было человек пятнадцать-шестнадцать. Все вооружены автоматами и гранатомётами. Это были достаточно подготовленные «духи», но нельзя сказать, чтобы слишком хорошо. Однако на расстояние сто-двести метров стреляли они довольно точно. Плюс к этому они были знакомы с тактикой действия мелких подразделений. Если надо было сосредоточить огонь всей бандгруппы на одном нашем солдате, стрелявшем по ним, то с этим они вполне справлялись.

Тренировали их на территории Пакистана в учебных лагерях, в так называемых школах талибов. Оружие у душманов было в основном китайского, арабского и румынского производства. Иногда мы захватывали «стрелы» (переносной зенитно-ракетный комплекс «Стрела», эффективное средство

борьбы с самолётами и вертолётами. — Ред.) польского производства, полученные из арабских стран.

Сам отряд спецназа у нас был большой — более пятисот человек по штату и двести человек на восполнение текущего некомплекта. Ведь люди болели, погибали... Мы стояли практически на самом юге, и добраться до нас было очень сложно. Каждые две недели я гонял колонну (порядка сорока машин) в Туругунди, на границу с Союзом, запастись провизией. Это примерно тысяча сто километров. Ведь холодильников у нас не было, кондиционеров — тоже. Поэтому всё время нас кормили одной тушёнкой. Тушёнка, тушёнка, тушёнка!.. Сколько я ни пытался добиться чего-то ещё, удавалось улучшить питание всего на неделю-две. А потом всё возвращалось на круги своя. Это же не Кабул, а самая окраина Афганистана. Тыловикам так было проще — никто не знает, никто не видит. А вообще полёт из Кабула до Лашкаргаха — это меньше часа — у штабных арбатско-кабульских деятелей считался чуть ли ни боевым выходом: они сразу требовали награды. Для них это было целое событие — якобы боевой вылет! Для создания боевой обстановки (чтобы комиссия побыстрее покинула расположение отряда) я иногда устраивал ночью боевые тревоги по отражению нападения со стрельбой, шумом, артиллерийской иллюминацией. Эффект был неотразимый — комиссия улетала в Кабул первым же бортом.

Гарнизону были приданы 305-я отдельная вертолётная эс-

кадрилья, десантно-штурмовой батальон 70-й дшбр (десантно-штурмовая бригада. – Ред.). Они охраняли городок вместе с артиллерийской батареей «гиацинтов» («Гиацинт» – крупнокалиберная самоходная пушка. – Ред.), которая прикрывала городок. Были ещё взвод установок залпового огня «Град», батарея десантных 120-миллиметровых пушек Д-30, миномётная батарея и танковый взвод, который мы пару раз использовали для налётов.

«Духи» иногда обстреливали гарнизон из эрэсов (РС, реактивный снаряд. – Ред.). Из миномётов не достреливали, хотя и пытались.

Однажды случилась страшная трагедия. Сидят ребята из отряда спецрадиосвязи в курилке, и вдруг прямо в центр курилки прилетает эрэс. В итоге трое убиты, восемь ранены... На такие обстрелы мы очень активно реагировали – поднимались все сразу (артиллерия, авиация, дежурная группа), находили, откуда стреляли, и уничтожали по максимуму. Так что местное население из ближайших кишлаков из всех сил старалось держаться от злых «духов» подальше – себе дороже обходилось. Местное население по отношению к нам вообще-то вело себя довольно дружелюбно. Торговцы нас приветствовали и очень ждали, когда мы у них что-нибудь на рынке купим. За покупку давали «бакшиш» (подарок). Местные жители приходили к нам лечиться. К 1988 году «духовские» обстрелы прекратились.

Мы вели разведывательно-боевые действия в основном на

автомобильной технике, на броне или пешком при поддержке авиации и артиллерии. На вертушках контролировали караванные маршруты в пустыне, выводили группы в засады. Часто использовали захваченную технику – машины «тойота» и мотоциклы. (В каждой роте было по три-пять таких «тойот», «нисанов», «доджей».)

Были у меня в отряде два замечательных старших лейтенанта Сергей Зверев и Сергей Дымов, командиры групп. Эти уникальные спецназовцы нередко захватывали по несколько машин с оружием, а в апреле 1987 года умудрились с боем захватить караван из двенадцати таких машин!

Утро начиналось в четыре часа. Я инструктировал и отправлял на караванные маршруты досмотровую группу на двух вертолётах по двенадцать человек в каждом. С ними поднимались две «вертушки» прикрытия – МИ-24. В пять утра уже улетали на воздушную разведку местности. Мы взлетали так рано потому, что уже к девяти утра температура воздуха поднималась настолько, что вертушкам сложно было летать. Караваны шли примерно в это же время. С десяти-одиннадцати часов они вставали на днёвку (дневная остановка на отдых во время марша. – Ред.), потому что днём в такую жару никому невозможно передвигаться по пустыне – ни людям, ни даже верблюдам.

Летаем мы над своей зоной и смотрим по сторонам. Видим – караван. Разворачиваемся. Караван тоже останавливается. Все поднимают руки и машут руками – мы, мол, мир-

ные, летите дальше! Решаем – будем всё-таки досматривать. Снижаются МИ-8 с досмотровой группой. МИ-24 кружат в боевом охранении. Подсели, выпрыгиваем. И очень часто бывало так: мы начинаем приближаться к каравану, а тот, кто только что нам махал руками, достаёт ствол – и давай нас мочить! И тогда начинается бой.

Однажды в такой ситуации я пережил очень неприятные минуты. Из вертолёта тогда выпрыгнул первым, хотя положено первым идти заму, чтобы оценить обстановку. Вторым обычно идёт прикрывающий пулемётчик, затем – радист и основная группа. Но я двинулся первым. Думал, что караван мирный, и досмотреть его мы решили просто так, для профилактики.

Только выскочили, побежали – «дух» достаёт автомат и начинает стрелять. А сразу за ним ещё несколько человек огонь по нам открыли. Расстояние было всего метров семьдесят, а мы ещё и по песку бежим – трудно, падаем постоянно. Ну, думаю, конец наступил! Но пулемётчик нас выручил – прямо от пояса из ПКМ (пулемёт Калашникова модернизированный. – Ред.) очередь дал, и первого, самого шустрого, «духа» сразу уложил. Остальные кто побежал, кто давай руки поднимать. Но у нас так: если в группу начали стрелять, тут уже нет прощенья никому. Досмотрели. Всё у них было – оружие, боеприпасы, наркотики. Загрузили результат в вертолёт и улетели.

Кроме поиска с вертолётов мы проводили и засады. Ведь

через нашу зону по пустыне Регистан проходила знаменитая Сарбанадирская тропа, ведущая в зелёную зону Гильменда. Тропа идёт через голую пустыню. Кругом сыпучие пески, настоящий лунный пейзаж. Жара страшная... Поэтому мы заранее пролетали вдоль тропы на вертушке и смотрели, где лучше посадить группу, чтобы колодец был или хотя бы какая-то растительность. Группу высаживаем, командир организует наблюдение по кругу на вероятных направлениях движения караванов. Часто бывало: сидим до пяти суток – никого нет. Ведь разведка у душманов тоже работает. Поэтому я обычно одновременно высаживал по три-пять групп, чтобы перекрыть сразу несколько маршрутов в полосе тридцать-сорок километров.

Конечно, просочиться через эту полосу было можно. Но нам везло, и на нашу долю приходилось самое большое количество перехваченных караванов. Думаю, дело было в том, что на этом направлении условия передвижения для «душков» были очень трудные, и так или иначе они всё-таки попадались в наши сети. Но при этом часто оказывали ожесточённое сопротивление.

Начальником штаба у меня был Саша Телейчук, очень грамотный офицер. И вот как-то приходит он и говорит, что пришли данные, что небольшой караван из двух машин в семнадцать часов будет следовать в направлении Марджи. Я ему: «Ну, давай, на вертушки – и вперёд!» Он сажает группу на вертолёт и полетел. Думали, что там всего две машины,

мы их быстро захватим – и делу конец. А в караване кроме двух машин оказались ещё и мотоциклы, и тракторы. Наши хотели их, как зайцев, взять, а «духи» неожиданно оказали серьёзное сопротивление. После этого начали их бить вертушками – «духи» снова на мотоциклы прыгнули и начали уходить.

Воевали, воевали мы с ними, и в конце концов загнали их в камыши у канала. Они разбежаться не стали, а собрались вместе и опять оказали ожесточённое сопротивление. В камышах их же не видно: они из укрытия бьют, а наши на открытом песке лежат. Плюс ко всему рядом договорная зона (территория, обязанности по контролю за которой после «зачистки» от душманов передавались в руки местных старейшин. – Ред.) – кишлак, откуда они подкрепление подтянули. Огнём пулемётов их ещё и кишлак поддержал. Бой шёл порядка двух часов. Мы на базе все очень нервничали, чего только ни предпринимали. В конце концов вертушки уничтожили пулемёт. Сожгли и камыши и уничтожили уходящих в кишлак «духов».

В том бою, слава Богу, никого из наших не убили, но подранили одного сержанта и тяжело ранили майора Анатолия Воронина. Ему перебило ноги, да ещё и в живот попало. Майор родом из Ленинграда, сын начальника кафедры Академии тыла и транспорта.

Толю Воронина мы быстро отправили в Кандагар, оттуда – в Кабул, из Кабула – в Ташкент. К тому времени я на

практике убедился, что тяжелораненного надо обязательно дотащить до Кандагара.

Хотя с кандагарским госпиталем тоже была особая проблема – им статистика хорошая нужна была. Командиру отряда важно доставить раненого до госпиталя живым, а госпиталю важно, в свою очередь, чтобы раненый не скончался после приёма. Иногда приходилось здорово ругаться с приёмным отделением и с начальником госпиталя.

К большому сожалению, за время моего командования отрядом у нас всё-таки погибло шесть человек. Среди них было четыре солдата и два офицера – Костя Колпашиков и Ян Альбицкий. Потери наши были меньше, чем у других. Особенно, если учитывать характер выполняемых задач. Я думаю, так получалось за счёт того, что мы в основном воевали на ровном месте, в пустыне. (В горах, конечно, сложнее было, там у противника больше возможностей для неожиданного манёвра.) Да ещё людей берегли. Я помню всех своих ребят, и свой командирский крест несу по жизни.

Младший лейтенант Костя Колпашиков – старший переводчик отряда – в январе 1988 года должен был поехать в отпуск. Я ему: «Поезжай», а он мне: «Холодно в Союзе, вот на последнюю операцию под Мусакалу схожу, тогда и полечу». Тут ещё начальник штаба отряда попросил: «Это мой первый помощник. Пусть ходит». В ходе этой операции надо было сломить сопротивление «духов» в базовом районе Мусакалы, Сангина, Каджаков. Мулла Насим со своей бандой

не давал возможности местным властям организовать эксплуатацию электростанции в Каджаках. Нужно было провести зачистку этого района и ослабить местных вождей, которые и организовывали сопротивление властям. С этой целью проводилась крупная войсковая операция.

Одной из групп спецназа в этой операции командовал лейтенант Ильдар Ахмедшин. По дороге группе пришлось продефилировать неподалёку от кишлака Шабан. Здесь они и попали в засаду – огнём бандгруппы из кишлака сразу сожгли наших два бэтээра. В этом бою у нас погибли четыре человека. Костя Колпашиков в бою немного обгорел. Мог остаться в строю, но врач настоял на эвакуации. Обычно раненых и убитых эвакуируют на разных вертолётах, а в этот раз эти правила нарушили. К несчастью, вертолёт с ранеными и убитыми на борту разбился ночью при взлёте... Погибшие умерли дважды... Погиб Костя Колпашиков, Валера Польских, командир кандагарского вертолётного полка, правый лётчик и ещё несколько человек. Выжил «бортач» (борт-инженер. – Ред.) и водитель бэтээра Леня Булыга.

Ильдар Ахмедшин в том бою получил жесточайшую контузию. Ночью, когда убитых и раненых привезли в отряд, в ходе опознания смотрю – среди трупов лежит Ахмедшин – не Ахмедшин, живой – не живой. Непонятно... Спрашиваю: «Это Ильдар?». Отвечают: «Да, он живой, но очень тяжело контуженный». Ильдар в госпитале лечился полгода и нагнал отряд, по-моему, уже в Шинданте, перед выводом. Я ему го-

ворю: «Да ты лежи в госпитале, лечись!» А он: «Нет, я выйду вместе с отрядом».

Потом он командовал этим отрядом уже в Чучково, воевал в Чечне в Первую и Вторую кампании. А погиб случайно – возвращался с железнодорожной станции, и его машина сбила. И вот что странно – после вывода из Афганистана немало офицеров погибло в таких же бытовых ситуациях при нелепых обстоятельствах. У меня объяснения этому нет – ведь в Афганистане во время реальных боевых действий только двое офицеров погибли, все остальные живы остались...

В бою под Сангином ранили рядового Андрианова. При отправке в Кандагар он спрашивает: «Владислав Васильевич, что у меня с ногой?» Я посмотрел – нога белая, ничего такого особенного нет. Да и ранение вроде не очень серьёзное – продольно по ноге пуля прошла. Я ему: «Ты не переживай, сейчас мы тебя до Кандагара дотянем. Всё будет нормально». Проходит время – мне говорят, что ему ногу оттапали. Я прилетаю в госпиталь, начинаю разбираться. Оказывается, он дольше положенного времени пролежал в приёмном отделении, его вовремя не осмотрели. А там же жара... Началась гангрена. На мой взгляд, ногу можно было сохранить. Так обидно и стыдно мне стало – ведь я ему обещал, что всё нормально будет...

Года за три до меня в десантно-штурмовом отряде, который нас обеспечивал, случилось ЧП – бежал солдат по фа-

милиии Балабанов. Почему – история умалчивает. А дело было так: ехал, ехал, ехал, потом вдруг остановил машину и побежал в сторону гор. Так и остался жить у афганцев, принял ислам. Позже передавали ему письма от матери, но он сначала не отвечал, а потом стал вообще скрываться. Перед выводом войск мы всё же попытались его забрать, но он отказался и остался у местных. Мы думали, что он у них оружейным мастером работает. Но потом выяснилось, что это не совсем так – он работал простым механиком. А вообще-то мы людей своих не бросали. Сейчас говорят, что столько-то было брошено, что своих расстреливали и т. д. и т. п. Чушь это собачья. Все, кто остался в плену в Афганистане, по тем или иным причинам сами отказались возвращаться в Союз.

Ведь даже если после боя тело погибшего солдата оставалось у противника, мы стремились, часто ценой ещё больших потерь, вытащить его или выкупить. Слава Богу, у меня никто не попал в плен. Воевали мы достаточно умело и не давали «духам» никакой возможности кого-то захватить. А добровольцев испытать афганский плен, к счастью, не находилось.

Но бой – это страшное дело. О нём легко только рассказывать. А там – быстрее, быстрее, быстрее!.. Уже улетаем. Подсчитали – нет бойца! Начинаем искать – кто в тройке старший, где в последний раз видели бойца? Давай назад! А он сидит, бедный, на точке эвакуации: «А я не успел добежать!» Чаше всего такие случаи происходили из-за нерас-

торопности бойцов или командиров. Ведь связь с каждым бойцом была односторонняя – только на приём. На передачу станции связь была только у старших троек. Это только к 2004 году сделали так, что двухсторонняя связь появилась у каждого солдата. А у нас, у рабочих войны, такой двухсторонней связи, к сожалению, не было.

Я считаю, что нашему солдату цены нет. Воевали они все достойно, спина к спине, никогда не давали врагам зайти с тыла. Конечно, в то время большую роль играла идеология коллективизма и взаимопомощи. Нас ведь как учили – человек человеку друг, товарищ и брат. Сам погибай, товарища выручай. Плюс ко всему мужской коллектив. Каждый хочет себя проявить, дух соперничества присутствует. Говорят какому-нибудь бойцу: «Ты такой-сякой, плохо помылся, плохо побрился». А он в бою доказывает, что он лучше, чем о нём говорят.

А в бою мы все одной крови, причём красной, а не голубой. Конечно, потом, когда бой закончился, вступает в действие иерархия – начинаем разбираться, кто как воевал, кто воду принёс, кто выпил, кто не выпил, кто куда стрелял, кто попал, а кто не попал. Хотя, конечно, отношения между старшими и младшими у нас были жестковатые. Ведь менее опытные не знают, например, что всю воду в пустыне выпивать сразу нельзя. Поэтому старшие воспитывали их очень конкретно, так что понимание приходило быстро.

А с водой вообще была проблема. Во время выходов на

боевой технике бывало, что и из радиаторов воду выпивали. Ведь обычно каждый с собой брал по две фляги с водой, каждая по полтора литра. А приходилось на этой воде неделю воевать, а то и больше... Допустим, высаживаем группу на вертушках на три дня. А тут то вертолёт завалили, то ещё что-то – и через три дня бойцов не получается снять. По связи запрашиваем: «Ребята, продержитесь ещё пару дней?» – «Продержимся». Проходит пять дней, они докладывают: «Командир, нам тяжело». А вертолёты всё не летают. Всё разбираются с подбитым вертолётom. Проходит семь, восемь, десять дней... Прилетаешь забирать ребят – у них уже начинается обезвоживание организма. А что такое обезвоживание? От людей остаётся только кожа да кости, да ещё при этом понос начинается. Забрасываем их в вертолёт, везём в отряд. Там они должны понемножку начинать пить. Да какое там понемножку – так воду хлещут, не остановить! Сажаем их в бассейн, чтобы они отмокали, а они прямо из этого бассейна пить принимают! После этого желтуха их начинает долбить... Война есть война. Страшная и неприятная штука. Я не сгущаю краски. Так оно и было на самом деле.

Хочу несколько слов сказать про афганцев. С одними из них нам приходилось воевать, а с другими – сосуществовать. Афганцы – люди очень далёкие от европейской культуры. В общении они нормальные, но понимание, что такое хорошо и что такое плохо, у них другое. Я это понимание называю мусульманско-средневековым. Наши узбеки и таджики, ко-

торые в отряде служили, мне признавались: «Как хорошо, что мы оказались в Советском Союзе! Мы не хотим жить, как афганцы!».

Как-то случилась со мной характерная история. Был у меня один местный афганец, который сдавал мне информацию по караванам. Было ему лет сорок, хотя выглядел он на все шестьдесят. Однажды я в благодарность угостил его сгущёнкой: «Молодец, ты мне хороший караван подарил!». Через некоторое время он приходит на КПП (контрольно-пропускной пункт. – Ред.) с девочкой в парандже и говорит: «Дай мне ящик того, чем ты меня угощал, а я тебе свою четвёртую жену отдам. Ей тринадцать лет всего, очень хорошая!» Я вызывают зама по тылу, даю команду принести ему ящик сгущёнки, ящик тушёнки и говорю: «Забирай сгущёнку вместе с тушёнкой, с четвёртой женой сам живи, но только караваны мне дальше сдавай!».

Их мир совершенно другой, у них иное мировоззрение. Вот ещё пример – возвращается группа с задачи. Дорогу перед ними перебежал старик с мальчиком, и пацан попал под бэтээр – задавило его. Начинается шум-гам-тарарам. Толпа окружила – вот-вот разнесут наших. Я местные обычаи успел изучить. Прилетаю и сразу муллу зову и толмача. Говорю толмачу: «Нехорошо получилось, извинения приношу. Но давайте вспомним Коран и шариат: Аллах дал, Аллах взял». Соглашается, но говорит: «В Коране написано, что за жизнь нужно заплатить». Я отвечаю: «Хорошо, мы готовы запла-

тить. Сколько надо?» Толмач посоветовался с муллой и говорит: «Дай две бочки соляры, шесть мешков муки. Бочка соляры – мне, бочка – мулле. Мешок муки – мне, остальное – семье, чтобы она жила хорошо. Ты согласен?» – «Согласен». – «По рукам?» – «По рукам». Отправляю в отряд бэтээр. Привожу, что обещал. И всё!.. Вопрос исчерпан! Я и дальше им помогал – то муки, то гречки подброшу. И когда бы мы через этот кишлак ни проходили, никогда никаких проблем не было – никакой мести с их стороны.

Я не могу сказать, что афганцы – злые люди. Они просто другие. Внешне очень похожи на наших узбеков и таджиков. Мне помогло то, что я родился и вырос в Узбекистане. Я понимал азы поведения восточных народов, имел некоторые познания в шариате и исламе и мог чётко объяснить своим подчинённым, что можно, а что – нельзя. Отряд был многонациональным. В отряде у нас было очень много белорусов. Интересно, что в кандагарском отряде почему-то собралось много украинцев. Процентом тридцать у меня было узбеков, таджиков, казахов. Но в подразделениях обеспечения их было на все девяносто процентов!

Помню, после XVII партийной конференции приехали к нам политруки во главе с генерал-полковником Сергеем Кизюном. Все такие важные! А ребята наши только что из боя вышли – измождённые, оборванные, просолённые, пулемёт за ствол тащат. И тут началось: «Да ты что за командир!? Посмотри, как они у тебя ходят: рвань, в кроссовках, автоматы

и пулемёты за стволы тащат! Да как ты позволяешь!». А выглядели бойцы так потому, что на боевые (боевой выход. — Ред.) мы старались ходить в КЗС (комплект защитный сетчатый. — Ред.) и в кроссовках. Это была очень удобная экипировка. Прикид весь в сеточку, в жару хорошо продувается, но предназначен только для одноразового использования при химическом и радиоактивном заражении местности. А кроссовки нам комсомольцы из ЦК ВЛКСМ подарили — 400 пар наших «адидасов». Весь отряд ходил на боевые в кроссовках. Очень удобная обувь. К сожалению, форма быстро превращалась в лохмотья в ходе боевых действий, а новое обмундирование поступало по установленным мирным нормам и не выдерживало экстремальной эксплуатации.

Я стою и понять не могу — что тут такого необычного? Ведь люди с войны вернулись. Меня это тогда здорово задело: «А вы что, хотите, чтобы после пятнадцати суток войны без воды они строевым шагом, с песней шли и подтянутыми были при этом? Не бывает такого». С боевых бойцы все возвращались в лохмотьях, изодранные. Живая, реальная жизнь сильно отличалась от киношной и телевизионной.

А оставаться людьми в таких нечеловеческих условиях помогало то, что нас в армии всегда учили преодолевать трудности. И я учил своих бойцов, что мы должны победить сами себя, что мы должны стать лучше и сильнее, чем природа и обстоятельства. Я им говорил, что они самые лучшие, что они могут выполнить самую трудную задачу, но обяза-

тельно должны остаться в живых. «Прежде чем залезть в какую-нибудь афёру, подумай, как ты из неё будешь вылезать. Если знаешь, как вылезать, – тогда давай! Если не знаешь, как выбраться, – не лезь туда, дорогой!». Мы ощущали причастность к великому делу, к великому государству, к той миссии, которую мы выполняли. Мы глубоко были убеждены, что несём прогресс и процветание в эту Богом забытую страну.

Мы ведь кадровые офицеры, и нас готовили к войне. Для офицера, для командира проявить свои навыки, умения в бою всегда считалось достойным уважением. Мы ощущали себя сыновьями фронтовиков Великой Отечественной. И то, что они в своё время сумели защитить страну и победить фашистов, для нас являлось образцом служения Отечеству. И именно это было основой настроения практически всех офицеров – девяносто девять и девять десятых процентов. И они вели за собой солдат.

Кроме того, мы ощущали себя причастными к огромному, мощнейшему государству! И искренне хотели помочь афганскому народу выйти из средневековья и создать своё государство, создать нормальные экономические и социальные условия для жизни. Мы же видели наглядно, как живут те же узбеки и таджики у нас, и как они живут в Афганистане! Это – небо и земля. Те, кто служил раньше в южных республиках Советского Союза, а потом попал в Афганистан, наглядно убеждались, что мы выполняем там благородную

миссию. И если мы поможем афганцам хотя бы дотянуться до уровня наших среднеазиатских республик, то мы заслужили памятник при жизни.

Островки современной цивилизации были только в Кабуле. А основная территория Афганистана – дремучее средневековое царство. И большинство местного населения начало тянуться к изменениям – ведь они разговаривали с нашими узбеками и таджиками. Однако надо учесть и то, что это исламское государство, которое предполагает наличие авторитарных лидеров. И если там простые люди даже и не согласны с такими лидерами, они им подчиняются согласно вековым традициям. Хотя жили они и продолжают жить очень тяжело – ведь это горы и почти сплошная пустыня: белуджи в пустыне для соблюдения гигиены просто песком омываются.

Сам я на боевые летал раза два-три в неделю, а раз в два-три месяца выводил отряд на перехват караванов на десять-пятнадцать дней. Иногда наши группы переодевались в местную одежду, пристраивались к караванам, садились на трофейные машины и мотоциклы и собирали информацию в округе: где что есть, где что движется.

Однажды после выполнения боевой задачи возвращаемся в ППД (пункт постоянной дислокации. – Ред.). И вдруг в районе Дишу со стороны «зелёнки» (солдатское название зелёных зон вокруг кишлаков и городов. – Ред.) из кишлака нас плотно стали обстреливать из безоткаток (безоткатное орудие. – Ред.)! Я отряд в пустыню отвёл, пушки раз-

вернул (мы в этот раз выходили на броне, и даже с пушками Д-30). Артиллеристам нужно было обнаружить цель. Для этого мы с артиллерийским наводчиком на броне стали передвигаться на видном месте. И «духи» не выдержали, начали по нам стрелять! Артнаводчик засёк цели и передал координаты. В результате кишлаку, из которого по нам стреляли, здорово досталось. Вроде жестоко, но зачем они стреляли? Мы же их не трогали, шли себе мимо...

Я уже говорил, что основную часть караванов, что шли из Пакистана, наши группы брали на Сарбанадирской тропе. Но бывало и по-другому. Однажды мы очень жестоко бились с «духами» в горах, в районе перевала Шебиян. Лётчики были не в восторге от вылета на Шебиян – далеко, летать в горах сложно, жара, топлива не хватает. И мы вот что придумали – в районе каменистых озёр примерно на середине пути сделали площадку подскока. Там ровное-ровное место километров на десять-пятнадцать вокруг с поверхностью из твёрдой глины. Мы туда выгоняли броню, ставили охранение. Потом туда на броне подходил сам отряд, прилетали вертолёты. Они здесь дозаправлялись, загружали группу и летали вдоль гор вплоть до Рабати-Джали, докуда одним перелётом с группой на борту не долететь.

Однажды мы получили данные о караване и вылетели. С нами был комбриг – подполковник Юрий Александрович Сапалов – и ещё один ХАДовец (сотрудник афганских спецслужб. – Ред.). Летим, летим – вроде никого нет. Вдруг боко-

вым зрением замечаю – стоит караван, разгружается. Не хотелось ввязываться в бой, имея командира бригады на борту. Я сделал вид, что не вижу каравана. Летим дальше. А начальник разведки, Лёша Панин, зараза такая, кричит и руками размахивает: «Караван, командир, караван! Ты что, не видишь, что ли?» Я ему: «Да вижу я, Лёша, вижу!» Крутанулись, подсаживаемся, и начинается долбёжка.

Лётчики, по-моему, плохо себя чувствовали. Я их попросил высадить нас поближе к горушкам, а они выбросили нас метрах в ста от этого места. Лезем мы на эти горушки, а «душки» по нам стреляют. Мы развернули АГС (автоматический станковый гранатомёт. – Ред.), обработали горушки. Вижу – «душок» бежит. Я кричу: «Лёша, смотри!». Он – дынь-дынь-дынь. Готов «дух»! А у них не окопы были вырыты, а кладки из камней сделаны – почти что крепость. Поднялись мы на одну горушку быстренько, на другую – и вышли к ущелью. Смотрим – такой караванище стоит! Палатки, эрэсы разгружены, костёр горит, оружие разбросано – и никого нет. Мы прикрытие наверху поставили, а сами вниз пошли посмотреть: что там такое. Трынть-трынь-трынь – спускаемся. Всё тихо. «Смотри, что мы здесь взяли!» Кругом – оружие, боеприпасы, «тойоты» стоят.

Лёха начал в первую очередь скручивать с машины магнитофон (в то время это был такой дефицит!). Я ему: «Давай стволы собирать!». А он: «Подожди, успеем, пока вертушки прилетят». И тут – такой залп сосредоточенным огнём из ав-

томатов с горушки напротив по нам, метров с двухсот! Бросили мы все эти магнитофоны – и дунули в гору! Так быстро я даже сотку никогда не бегал! А Лёха ведь опытный офицер, старается изо всех сил отход наш прикрыть, настоящий герой! Я ему: «Ты в сторону от меня беги, труднее в нас будет попасть!». А он всё равно пытается меня прикрыть. Наше счастье – не попали: мы очень быстро бежали. Я петлял и ещё Лёху отталкивал, а он меня всё равно прикрывал. Короче – запутали мы «духов». Бежим, а язык на плече, в глазах красные круги – ведь стояла жуткая жара! До кладки добежали чуть живые, но целые.

Вызвали авиацию. Для моего отряда в Кандагаре всегда была дежурная пара «грачей» (штурмовики СУ-25. – Ред.). Их командира полка я хорошо знал, поэтому работали с ними мы с удовольствием. Но в этот раз прилетели МИГ-23. Пилот мне: «Восьмисотый, ты видишь меня?» – «Вижу». – «Обозначьте себя». Зажигаем дым. Себя обозначили. «Наблюдаешь?» – «Наблюдаю». Я ему даю азимут, дальность, цель – караван с оружием на перегрузке. А они где-то на семи тысячах метров барражируют. Я командиру: «Ты спустишься хотя бы до трёх». Он: «Нет, запретили нам ниже семи работать». Им говорили, что на такой высоте якобы «стингеры» не достанут («Стингер», переносной зенитный ракетный комплекс производства США. – Ред.).

Начали они бомбить. А у нас с Лёхой такое впечатление, что они прямо на нас бомбы бросают. На самом деле они

даже не по каравану, а куда-то за хребет отбомбились. Я им: «Ладно, ладно, хватит. Передайте командиру, что «Мираж» (это мой позывной был) в трудную ситуацию попал, пусть пару «грачей» пришлёт. Сами бьёмся с «духами», перестреливаемся, пытаемся их гранатомётом пошугать. А караван-то стоит. Минут через сорок приходят «грачи». «Восьмисотый, наблюдаем тебя. Азимут, дальность...». Пришли они тоже высоко – на семи тысячах. Но потом с боевого разворота с кабрированием (кабрирование – поворот летящего самолёта вокруг поперечной оси, при котором поднимается нос самолёта. – Ред.) как пошли вниз!.. Сначала один бросил две бомбы по двести пятьдесят килограммов, потом – другой... На месте каравана и рядом с ним – дым, огонь, взрывы! Метали они с высоты приблизительно тысяча метров, как вертушки наши примерно летают при десантировании. Поэтому они в караван точно попали. Разбомбили всё. После этого мы уже спокойно с группой спускаемся. Нормально идём, никто нас не обстреливает. Лёха всё-таки скрутил магнитофон с машины, которая пыталась удрать, поэтому в неё и не попали. Эрэсов куча валяется. Разбросано всё. Пока Лёха в сторону к машине пошёл, я с группой досмотра прямо иду. Вдруг боковым зрением вижу «духа», который выходит на костылях и показывает, что он сдаётся. И вдруг слышу – та-да-да! А это, оказалось, боец за камень падает и в падении этого «духа» бьёт. Досматриваем убитого. По документам: командир бандгруппы. Я стал бойца воспитывать: «Ты

зачем стрелял, он же сдавался, его в плен надо было взять?». А он в ответ: «Командир, а если бы он успел первым в меня выстрелить?». Это всё в доли секунды произошло. В этом бою у нас обошлось без потерь, даже раненых не было. Это удивительно, потому что уничтожили мы крупный караван.

Я думаю, что духи просто одурели, когда нас увидели, – слишком далеко мы были от наших коммуникаций, километров двести пятьдесят или триста от Лашкаргаха. Они, скорее всего, понадеялись, что мы не будем в бой ввязываться и досматривать караван. А вот то, что по нам с Лёхой не попали сначала, – это просто повезло, могло закончиться всё очень плачевно. Но мы были настолько уверены, что «духи» бросят караван и уйдут, что пошли так открыто. Оказалось, что мы начали спускаться только к небольшой части каравана. Там костёр догорал, оружие было разгружено. Но потом оказалось, что за поворотом ещё куча штабелей стояла...

Удовольствия, конечно, во всей этой истории мало. В горячке не чувствуешь, не замечаешь ничего. А потом, когда возвращаешься, начинаешь видеть, что у тебя сбитые колени, порваны локти, разбиты пальцы. И главное – идёт отдача в чисто психологическом плане.

Первыми из Афганистана вышли отряды армейского спецназа, которые дислоцировались в Желалабаде и в Шах-джое. А в августе 1988 года и я свой отряд вывел в Советский Союз в Чучково. Самым последним выходил 177-й отряд. По телевизору часто показывают генерала Бориса Громова,

пересекающего мост 15 февраля 1989 года мост через реку Амударью, и ребят на бэтэере со знаменем. Так вот бэтээр этот был как раз 177-го отряда.

На выводе отряд шёл в составе бригады. Первый привал был в Шинданте. Там прошли таможеню, изъяли всё лишнее, чтобы не попало в Союз. Там же состоялся митинг и парад выводимых частей. Весь путь от Лашкаргаха до Кушки со мной на броне ехали корреспонденты из наших и зарубежных газет, а также писатель Александр Проханов. Незадолго до вывода он прибыл в Лашкаргах, жил в отряде и знакомился с нашей боевой деятельностью. В Герате мой бэтээр с писателями на борту обстреляли из толпы. Радикалы хотели спровоцировать ответный огонь, но командир бригады подполковник Александр Тимофеевич Гордеев проявил завидную выдержку – и провокация сорвалась.

Отряд в составе бригады совершил 1200-километровый марш от Лашкаргаха до Иолотани. Первое, что я увидел на нашей стороне, переехав мост, – сарайчик с огромными буквами «БУФЕТ». В Иолотани мы несколько дней приводили себя в порядок в ожидании погрузки на эшелон до Чучково. В Иолотани генерал А. Колесников из Ставки популярно разъяснил нам, что афганская война в данное время не пользуется уважением в Союзе. К этому мы были не готовы... Находясь в Афганистане, мы не могли предполагать, что готовится развал Союза. Эшелон шёл до Чучково неделю. В пути от эшелона чуть было не отстал мой зам – Саша Белик,

но это отдельная история.

А в Чучково в конце концов всё сложилось очень интересно. Пригоняем мы эшелон к месту постоянной дислокации отряда в Чучково. Я стою и обсуждаю с командирами порядков разгрузки. И вдруг видим — далеко от нас по рельсам женщина бежит. Командир бригады подполковник Анатолий Неделько, который рядом со мной стоял, говорит: «Слушай, так это твоя жена, наверное, бежит». Я отвечаю: «Не может быть, я её не приглашал, она и не знает, куда мы должны прибыть для разгрузки». Мне ведь некогда. Я эшелон разгружаю. Какая тут жена? Оказалась действительно жена. Никто не знал, когда мы сюда придём. Как она узнала время и место? До сих пор это остаётся тайной. А ведь приехала она из Эстонии в Рязанскую область 31 августа, а 1 сентября сын без мамы и папы пошёл в первый эстонский класс. Это было удивительное событие. Я до сих пор ей очень благодарен за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.